

И. Н. Карицкий <https://orcid.org/0000-0002-1823-3000>**Методология конструктивизма в психологии**

Исследовано понятие конструктивизма в гуманитарных и социальных науках, прежде всего, в психологии. Показано, что представления людей конструируются на всех уровнях организации: от биологической и нейрофизиологической до социальной и лингвистической. Указаны основные представители конструктивизма в психологии в России и за рубежом. Рассмотрены ведущие направления конструктивизма в психологии: конструктивизм в узком значении, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм, конструктивный реализм и др. Проанализированы конструктивистские подходы А. Г. Асмолова (праксиологический конструктивизм), В. Ф. Петренко (эпистемологический конструктивизм), исследованы конструктивистские идеи, представленные в работах Г. В. Аكوпова (конструирование реальности в психологии искусства), В. М. Аллахвердова (конструкты демаркации научного психологического знания), В. А. Петровского (конструирование восприятия), В. А. Шкуратова (исследование конструктов исторической психологии), В. А. Мазилова (конструирование предмета психологии), В. А. Янчука (проблема конструктивистского многообразия), А. В. Юевича (конструкты количественной оценки психологического состояния общества). Также представлены конструктивистские подходы таких авторов, как И. В. Антоненко (доверие как конструкт), Ф. И. Барского (жизненные истории как конструкты), Н. П. Бусыгиной (эмпирические данные как конструкты), М. С. Гусельцевой (расширение конструктивизма в пространстве психологических исследований), Т. П. Емельяновой (конструирование социальных представлений), В. В. Знакова (конструктивистская трактовка знания), И. Н. Карицкого (конструирование психологической практики), В. А. Лекторского (конструктивный реализм), А. М. Улановского (широкий спектр исследований на основе конструктивистских представлений). В целом показано многообразие подходов к конструированию миров психологами.

Ключевые слова: эпистемология, знание, реальность, конструктивизм, направления конструктивизма, социальные представления, социальное конструирование, конструирование миров.

I. N. Karitsky

Methodology of Constructivism in Psychology

The concept of constructivism in the humanities and social sciences, primarily in psychology, has been studied. It is shown that the representations of people are constructed at all levels of the organization of people: from biological and neurophysiological to social and linguistic. The main representatives of constructivism in psychology in Russia and abroad are indicated. The leading directions of constructivism in psychology are considered: constructivism in a narrow sense, radical constructivism, social constructivism, constructive realism, and others. The constructivist approaches of A. G. Asmolov (praxeological constructivism), V. F. Petrenko (epistemological constructivism) are analyzed, the constructivist ideas presented in the works of G. V. Akopov (reality construction in the psychology of art), V. M. Allakhverdov (constructs of demarcation of scientific psychological knowledge), V. A. Petrovsky (construction of perception), V. A. Shkuratov (the study of historical psychology constructs), V. A. Mazilov (construction of the psychology subject-matter), V. A. Yanchuk (the problem of constructivist diversity), A. V. Yurevich (constructs of quantitative assessment of the psychological state of society). Constructivist approaches of such authors as I. V. Antonenko (trust as a construct), F. I. Barsky (life stories as constructs), N. P. Busygina (empirical data as constructs), M. S. Guseltseva (constructivism extension in the field of psychological research), T. P. Emeljanova (construction of social representations), V. V. Znakov (constructivist interpretation of knowledge), I. N. Karitsky (construction of psychological practice), V. A. Lektorsky (constructive realism), A. M. Ulanovsky (wide spectrum of studies based on the constructivist view). In general, a variety of approaches to the construction of worlds by psychologists is shown.

Keywords: epistemology, knowledge, reality, constructivism, directions of constructivism, social representations, social construction, construction of worlds.

Мир человека – это, прежде всего, мир представлений, даже восприятие внешней реальности нагружено различными установками, конструктами, системами категорий, через которые происходит опознавание и понимание сущего, не говоря уже об эмоциях и мышлении. И хотя люди живут в мире представлений, они принимают их за объективную реальность. Восприятие обусловлено структурными и функциональными особенностями органов восприя-

тия (Ф. Варела и У. Матурана [27], Г. Рот, Ж.-К. Табари), перцептивной категоризацией (Дж. Брунер [12]), установками (Д. Н. Узнадзе), личностными и социальными конструктами (Дж. Келли, П. Бергер и Т. Лукман [11]), языковыми категориями (Э. Сепир, Б. Уорф, Дж. Фишман, Дж. Люси) и т. п., которые определяют, что будет воспринято, как воспринято, через какую сетку категорий, что будет выделено как существенное, отнесено к определенной си-

стеме понятий, встроено в систему «реальности», и что будет проигнорировано как несущественное или несуществующее. Эти детерминирующие схемы пронизывают всю психику и определяют ее содержание, процессы мышления, личностные пристрастия, реакции на события «реальности», поведение и деятельность. Данный эпистемологический подход в современной философии, социологии, психологии, культурологии, в целом в социальных и гуманитарных науках называется конструктивизмом в широком смысле. Его ближайшими предшественниками в западной психологии называют, прежде всего, Ж. Пиаже, в отечественной науке – М. М. Бахтина и Л. С. Выготского. Ряд современных отечественных психологов ведут исследования, опираясь на теоретические и методологические принципы конструктивизма (А. Г. Асмолов [7], В. В. Знаков [16], Т. П. Емельянова [15], В. Ф. Петренко [29, 30], А. М. Улановский [34], В. А. Янчук [40] и др.).

Сегодня существует множество направлений конструктивизма, представленных, в первую очередь, в западной науке. В то же время, как отмечает А. М. Улановский [34], можно говорить о трех основных его течениях: конструктивизм (в узком смысле) в психологии, социологии, философии и педагогике (П. Бергер, Дж. Брунер, Дж. Келли, Т. Лукман, Ж. Пиаже и др.), радикальный конструктивизм (Ф. Варела, П. Ватцлавик, Э. Глазерсфельд, У. Магурана, Г. Рот, Х. Ферстер и др.) и социальный конструктивизм (конструкционизм) (К. Герген, Дж. Поттер, Т. Сарбин, М. Уэзерелл, Р. Харре, Г. Херманс, Дж. Шоттер и др.). (Вместе с тем следует отметить, что в рамках конструктивизма также выделяют такие общие подходы как культурный, структурный, реляционный, коллективный, коммуникационный, критический конструктивизм, конструктивный реализм и др.) Конструктивизм в узком смысле при всем разнообразии подходов базируется на представлении о не отражательной (в духе теории отражения или теории копирующей истины), а в основном конструктивной сути сознания и познания, обусловленности восприятия и понимания мира личностными конструктами, образованными в ходе онтогенеза, и в силу этого на представлении о множественности трактовок реальности, отсутствии объективной и абсолютной истины [29]. В радикальном конструктивизме вообще отрицается возможность отображения действительности в какой-либо форме, живая система сама создает «воспринимаемый» мир в силу специфической структуры организма и нервной системы, знание представляет собой способ организации опыта живой системы. Социальный конструкционизм исходит из приоритета дискурса и intersubjectных отношений в конструировании образа мира и представления лич-

ности о себе, существенно, что образ мира и личности формируется в коммуникации, в социальных практиках, в сообществе, является своего рода конвенцией между людьми, а не результатом сугубо личного опыта. Таким образом, общим для всех конструктивистских теорий является представление о том, что знание конструируется, истина плюралистична, а критерием «хорошего» знания является его пригодность (см.: [11, 12, 21, 22, 23, 27, 28, 29, 33, 34, 40, 41 и др.]). В то же время, для одних исследователей преобладающей методологической установкой является рассмотрение конструктивизма в плоскости эпистемологии, они отвечают на вопрос: чем является знание. И это эпистемологический конструктивизм [11, 12, 23, 27, 29]. Для других более существенно активное, деятельное преобразование социальной и психической реальности, они стоят на позиции прагматического конструктивизма, конструирования самой реальности [7, 9, 15, 19, 20]. Хотя оба подхода имеют множество пересечений и общих утверждений.

А. Г. Асмолов [6, 7] строит неопределенную историко-эволюционную парадигму психологии, опираясь на идеи культурно-исторической психологии, целенаправленной деятельности, индивидуализации личности в историческом процессе, конструирования жизненных миров, делания психологией истории, рассматривает образование как ведущую социальную деятельность, порождающую новые социальные миры и решающую актуальные проблемы современности. А. Г. Асмолов отмечает: «В парадигме неклассического мышления психология выступает как наука о конструировании миров в историко-эволюционном процессе жизни, стремящемся к нарастанию разнообразия», психика должна изучаться как конструктивный фактор самой эволюции, «...предназначение психологии как ведущей науки о человеке, способной конструировать “поле предметных значений” (А. Н. Леонтьев) – особое intersubjectное измерение действительности»; психологию исследователь рассматривает как «конструктивную проектировочную науку, выступающую фактором эволюции общества» [7, с. 34]. Таким образом, конструктивное начало психики автором рассматривается в двух отношениях: 1) как и в конструктивизме, психика (личность) активно строит образ мира, но также 2) психика (личность) конструирует, формирует саму социальную реальность. И второй аспект конструирования для автора является важнейшим, поскольку может быть направлен как в сторону гуманизации, так и дегуманизации общества: психологи как «мотиваторы конструктивных социальных изменений» способны поддерживать и развивать «культурные практики очеловечивания», социального разнообразия, образцы гуманистического поведения,

предлагать «позитивные образы будущего в социализации современных детей и подростков» [9, с. 23-24]. Соответственно, если конструктивизм в целом по преимуществу является эпистемологией, то в подходе А. Г. Асмолова он является, прежде всего, праксиологией – учением об изменении социальной реальности.

На позициях конструктивизма в психологии с первых своих исследований стоит создатель отечественной экспериментальной психосемантики В. Ф. Петренко. Он пишет, что «основным методом экспериментальной психосемантики является метод реконструкции субъективных семантических пространств», «реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других, самого себя» [28, с. 45]. В. Ф. Петренко исходит из представления о том, что «что знания не являются... отражением реальности, а конструируются субъектом на основе опыта взаимодействия с миром и зависят от мотивации субъекта познания, языка описания, операциональных средств и т. п., что определяется культурой общества и личностными особенностями субъекта познания, его картиной мира» [29, с. 5]. Автор пишет, что такие понятия, как объективная действительность, истина, «представление о том, что можно изучать нечто как оно есть “на самом деле”, независимо от позиции интерпретатора, постепенно уступают место таким понятиям, как жизненное пространство (зависимое от системы отсчета), жизненный мир (подразумевающее наличие “пристрастного”, “страдающего” человека), ...множественность истины, адекватность и эвристичность модели взамен самого понятия истины. Эта система методологических понятий, под разными именами активно используемая в квантовой физике и структурной лингвистике, находит реализацию и в гуманитарной науке – как парадигма конструктивизма» [29, с. 5]. Термин конструктивизм «применяется в гуманитарных науках для обозначения теоретических и методологических установок, подчеркивающих роль социальных ценностей и познавательных мотивов в построении картины мира данной культуры, сети научной коммуникации и деятельности научных коллективов в производстве научных знаний. Как философия познания конструктивизм находится в скептической позиции относительно онтологических представлений классической науки» [29, с. 6]. Согласно методологическому принципу конструктивизма «знания не содержатся непосредственно в объекте (в объективной действительности) и не извлекаются из нее в ходе движения от относительной к абсолютной истине, а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различного рода моделей, которые могут

быть как взаимозаменяемыми, так и взаимно дополняемыми» [29, с. 6]. С позиции конструктивизма познающий субъект создает модели мира, которые, «по принципу кольцевой причинности, определяют ту социальную реальность, в которую он погружен» [29, с. 7]. Автор подчеркивает, что идеи конструктивизма постепенно овладевают не только научным сообществом, но и проникают в массовое общественное сознание: люди сознают, что существуют многообразные индивидуальные и групповые конструкты социальной реальности, что ни одна точка отсчета не является избранной и никто не обладает абсолютной истиной. В. Ф. Петренко отмечает, что «даже собственное Я, ощущаемое человеком как безусловно достоверная реальность... в методологии конструктивизма рассматривается как сложная конструкция деятельности самосознания, включающая осознаваемые и бессознательные компоненты» [29, с. 9].

Методология конструктивизма находит все большее применение в психологии. Так, один из выпусков журнала «Методология и история психологии» почти полностью посвящен конструктивистским подходам, он состоит из статей, авторы которых либо прямо опираются на теорию и методологию конструктивизма, либо вполне солидаризируются с его основными позициями (знание конструируется исследователем на основе определенной категориальной сетки и параметров используемого инструментария; истинность нового знания определяется через соотнесение его с уже существующим знанием, соответствием определенной модели рациональности, эвристичности и пригодности для использования полученных результатов; признание того, что реальность может быть описана иными способами с получением других результатов), либо, оставаясь на позициях реализма, согласны с тем, что конструктивизм составляет неотъемлемый момент психического функционирования и построения научного знания. В то же время, основной смысл, который вкладывается в подзаголовок этого выпуска («Конструирование миров»), – показать многообразие научных миров психологии, из которых она сегодня складывается.

В статье В. Ф. Петренко «Конструирование истории» [30] психолог стоит в позиции реконструирования сознания людей прошлых эпох. Автором представлен методологический инструментальный экспериментальной психосемантики, позволяющий строить многомерные семантические пространства, которые выступают операциональной моделью сознания, на основе выделения его базисных категорий. В. Ф. Петренко показывает, что «конструктивизм в психологической науке содержит несколько базисных составляющих» [30, с. 24]: идея познания как построения знания; идея о том, что теории не копируют, а моделируют реальность; идея

множественности истин и моделей реальности; идея о том, что познание не только описывает, но и творит реальность. В статье исследователь отмечает, что «историческая психология призвана реконструировать дух прошедших эпох, ментальность выдающихся исторических деятелей, а также и картину мира, обыденное сознание народов, подчас уже сошедших с исторической сцены», эволюцию ментальности разных народов и социальных слоев в ходе исторического процесса, их видение мира [30, с. 19]. Автор также поднимает проблему переосмысления истории в каждую историческую эпоху. Важной методологической установкой «конструирования истории» является понимание того, что «позиция исследователя, его язык описания, культурные установки и система ценностей имплицитно присутствуют в категоризации, описании» исторических объектов и событий и что «следствием этого положения становится идея плюрализма, множественности различных исторических моделей описания прошлого». Одной из существенных проблем конструирования ментальности людей прошлых эпох с позиции психосемантики является то, что исследователь имеет дело не с живыми представителями изучаемой эпохи, а с различного рода артефактами, проникаясь духом которых он «стремится отразить ее категориальный строй» [30, с. 18, 20].

Г. В. Акопов в своей статье разворачивает широкое полотно «трансценденции проектов психологии искусства в различных модусах сознания», раскрывая читателю индивидуальные миры исследователей, репрезентированные в частных системах психологии искусства. Как пишет автор, «в качестве универсальной категории психологического анализа явлений искусства» им предложен концепт сознания, содержательно раскрываемый в двухфакторной модели [2, с. 34]. Данный методологический подход автором был разработан в большой работе «Психология сознания» [1]. Г. В. Акопов отмечает, что проект «Психология искусства» Л. С. Выготского направлен на изучение «чистой и безличной психологии искусства безотносительно к автору и читателю, исследуя только форму и материал искусства», в то же время, он акцентирует внимание на том, что искусство является «социальным в нас», выражает социальные чувства [2, с. 35]. Мир В. П. Зинченко, преломленный через материал поэзии, представлен категориями «живое знание», «органическая психология», «поэтическое прозрение», «творческий акт», «целостность», «дух», «душа», «смысл человеческого бытия» и др. Поэзия предстает как школа сознания, прозревающая непознанное в его целостности, «искусство на столетия опережает науку в познании». Психологический анализ поэзии В. П. Зинченко релевантен самой поэзии, метафоричен

и наполнен тончайшими и глубочайшими смыслами, недоступными рационализму науки [2, с. 38].

Продолжая раскрывать многообразие конструируемых реальностей в психологии искусства, Г. В. Акопов обращается к интерпретациям других авторов. Исследовательский мир искусства В. М. Аллахвердова задан, прежде всего, по оси «сознание – бессознательное» с акцентом на приоритете бессознательного, в ходе «общения» с художественным текстом происходит эмоциональное переживание творческого процесса: «восприятие художественного текста имитирует для читателя и зрителя творческий процесс, порождает эмоциональное переживание инсайта, творческого открытия, познания»; «коммуникация и творчество как в самом художественном произведении, так и в читательском восприятии и интерпретациях определяются сложной (парадоксальной) “игрой” художественного сознания и бессознательного и, в конечном счете, трансценденцией эмоционально и идейно значимого содержания из бессознательного в осознаваемую смысловую форму» [2, с. 39-40]. В. Е. Семенов рассматривает искусство сквозь призму межличностной коммуникации, вводя ее базисные принципы: принцип «личностной совместимости художника и реципиента, всех участников процесса художественной коммуникации» и «принцип постоянной взаимной связи искусства и социальной действительности» [2, с. 40-41]. Перечисленный ряд психологических реконструкций искусства автор статьи завершает рассмотрением проекта В. Ф. Петренко, представленного, прежде всего, монографией «Психосемантика искусства», в которой утверждается, что произведение искусства представляет собой «специфический текст, который обеспечивает общение двух субъектов», являясь медиатором между сознанием творца и сознанием читателя, зрителя [2, с. 42]. Будучи хорошо операционализированной методикой, «психосемантический анализ художественного произведения с помощью построения семантических пространств... способствует увеличению степени осознанности художественного текста», выявляет не только явные, но скрытые конструкты автора произведения и их взаимное соотношение [2, с. 40]. Г. В. Акопов полагает, что конструктивистский подход В. Ф. Петренко «впервые представляет также универсальную инструментальную модель (метод) психологического анализа произведений искусств» [2, с. 44].

Проблема демаркации научного и ненаучного знания в психологии представлена работой В. М. Аллахвердова [4]. Автором предложены и проанализированы различные критериальные конструкты демаркации: «научным является только эмпирическое знание, только непротиворечивое знание, только практически применимое знание» (другие кри-

теории будут исследованы в продолжении статьи), – и показано, что они недостаточны [4, с. 46]. Хотя в другой работе автор утверждает: «И все же мне кажется, что существует критерий, с помощью которого можно провести демаркационную линию», – это методологические правила (принципы). «Научной будет такая деятельность, которая построена в соответствии с этими методологическими правилами» [3, с. 6]. В то же время, в настоящей статье автор поднимает ряд сложных проблем науки: что является действительностью, истиной, фактом? каково соотношение видимого и реального? как определяется существенное и несущественное в исследовании? Показано, что содержание любого эмпирического исследования, его данные, их обработка и результаты основываются на теоретических предположениях, а факт существует только в рамках категориальной сетки какой-то теории, да и сами понятия – не только результат обобщения эмпирическим наблюдаемого, но включают в себя ряд внеэмпирических допущений, в том числе самого общего порядка. Как отмечает В. М. Аллахвердов, «подлинные теории, как правило, конструируют причины наблюдаемых явлений», включают в себя «ненаблюдаемые конструкты». Непротиворечивость научного знания является, с одной стороны, слишком формальным критерием, с другой – в науке существуют теории, «несовместимым образом объясняющие одно и то же явление»: как подчеркивает автор, «наличие противоречий не делает знание ненаучным», «построение полностью непротиворечивого знания» – это утопия. Сложную проблему представляет собой конструкт «научным является только практически применимое знание», поскольку практически эффективным может оказаться любое представление (ненаучное, ложное), а «для оценки практической эффективности необходима теория» [4, с. 52, 54, 55, 56]. Признавая реальность, В. М. Аллахвердов, вместе с тем, утверждает, что ее теория может быть сконструирована по-разному и описана на разных языках, то есть придерживается позиции конструктивного реализма В. А. Лекторского [23].

В. А. Петровский [32] предлагает оригинальную версию разрешения психофизической проблемы на основе тщательного исследования релевантных ей понятий, определяя физическое как сверхчувственное и мыслимое, психическое как чувственное и приходя к выводу, что «субъектом созерцания, переживания, действия» никто не является: «наличие психических содержаний не обязательно означает присутствие наблюдателя, то есть не обязательно существует тот, кому психические содержания даны», «психические содержания для своего существования не нуждаются в существовании “я”» [32, с. 72, 73]. (В то же время,

в другой работе В. А. Петровский рассматривает, каким образом культурный знак «я» через чувственную презентацию, индивидуальную активность и прообразы «я» превращается в я-подлинное [31]) Автор конструирует ситуацию порождения психического как «композицию физических явлений, например, волн, порождаемых мозгом, и волн, поступающих извне»: «полагаем, что возникновение психического образа, переживания, интенции и т. п., обязано композиции, как минимум, двух волн, одна из которых определяется процессами, протекающими в теле индивидуума – мы называем ее “принимающей волной” – а другая, мы называем ее “поступающей волной”, имеет своим источником объекты окружения». Определяющей характеристикой физического В. А. Петровский считает его трансферентность – распространение физического за пределы места его порождения с сохранением определяющих его свойств, а психического – нетрансферентность, то есть «локус возникновения и локус существования психического совпадают, оно существует там и тогда, где и когда появилось, и таким образом не является ни корпускулой, ни волной» [32, с. 65-66, 67].

В своем труде «Культура мысли и знание-власть» [36] В. А. Шкуратов конструирует научный аппарат «авторской концепции исторической психологии» (метапсихологической теории), одновременно сквозь призму этого аппарата представляя историю познания на материале европейской культуры (антропоисторику). Статья «написана в русле авторских теоретизированных относительно социокультурных оснований человеческой психики» [36, с. 84, 85]. Отмечая у себя наличие большого числа новых терминов, автор подчеркивает, что «при видимой словесной избыточности они не были упражнениями в терминологии, а пытались обрисовать системы артефактов, фундирующие психику со стороны социума и культуры, по аналогии с тем, как нейрочувствительные науки делают это со стороны мозга» [36, с. 85]. Авторский проект «исторической психологии складывается вокруг понятий антропокультуры и сапиентного диапазона эволюции». В понятии антропокультуры конкретизирована «идея социокультурных систем порождения психики», «сапиентный» диапазон эволюции представляет собой «срок существования современного (сапиентного) человечества, который совпадает со временем действия... систем психической генерации Человека разумного». В антропокультуре автор наибольшее внимание уделяет анализу «культуры мысли», то есть такого соционатурального порядка, который развивает «умственные прерогативы человека», и «когитократии» – использованию мыслительной деятельности как обычной практики власти (управления, основанном на знании). Антропоисторика автором представлена парадигмами Античности (мифоритуаль-

ной), средневековой (религиозной), Нового времени (научной) и современной (сочетание истории и психологии) [36, с. 86, 91] (см. также [35]).

Дискуссионная проблема предмета психологии представлена статьей В. А. Мазилова [26], проблема, к которой автор обращается на протяжении многих лет [24, 25 и др.]. Исследователь анализирует современное состояние психологии, отмечая, что многие недавние подходы существенно устарели: «трактовка психики как отражения тоже утратила свое былое значение: в настоящее время термин “отражение” применим разве что к сенсорным процессам, поскольку уже перцептивный уровень содержит мощную составляющую, которая логичнее объясняется с позиций конструктивизма. Даже методологический статус психологии как науки... в действительности не определен» [26, 109]. В то же время, В. А. Мазиллов видит вполне позитивные перспективы психологии. Автор полагает, что психология представляет собой единую науку, оспаривая утверждение ряда авторов, что этой целостности нет. Психология является фундаментальной наукой. Автор подвергает сомнению традиционный взгляд, что психология стала самостоятельной наукой во второй половине XIX в., и обосновывает позицию, что она еще не достигла этого состояния. Важнейшим условием ее самостоятельности является новая трактовка предмета психологии. В. А. Мазиллов полагает, что этим предметом является внутренний мир человека. Такой подход «позволяет решить многие проблемы, накопившиеся в общей психологии». «Приоритет в разработке проблемы внутреннего мира как психологического образования в новейшей российской истории психологии принадлежит В. Д. Шадрикову», который «предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта “предмет психологии”». «Внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию» [26, с. 108, 116, 117], имеющую сложную внутреннюю архитектуру, так понимаемый предмет психологии позволяет «осуществить содержательное наполнение предмета, вместили всю психическую реальность в полном объеме» [25, с. 269]. Автором приводятся аргументы, обосновывающие, что такой подход снимает многие нерешенные проблемы психологии.

В статье «Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия» В. А. Янчук рассматривает проблему «теоретико-эмпирических оснований интеграции психологического знания», анализируя многообразие существующих к ней подходов и приходя к выводу, что такого рода интеграция продуктивна на основе «культурно-диалогической интердетерминистской метатеории» [42, с. 124]. Исходной

исследовательской посылкой выступает представление о том, что психологическая феноменология имеет «комплексную био-психо-социальную культурную» гетерогенную динамическую обусловленность. Автор формулируется концепция «четырёхмерности континуумов психологической феноменологии, системообразующим универсальным основанием которых является культура в аспекте конструирования психологической реальности». Основное содержание подхода заключается «в обосновании диалогической интердетерминированности функционального состояния динамических гетерогенных психологических систем в определенных точках пространственно-временного континуума», которое достигается за счет «нахождения баланса взаимодействия сопряженных внутренних и внешних систем, определяющих выживание самой системы в условиях конкретного социального и природного окружения» [42, с. 138, 143, 149]. Согласно В. А. Янчуку, понимание психологической феноменологии возможно за счет учета их многомерности, мультипарадигмального и мультидисциплинарного подхода к ним, «культуризации психологического знания», «выхода за рамки персонцентризма» и включение «в плоскость анализа интердетерминирующего влияния эго-протяженности», учитывающей социальное, природное окружение и историко-культурный контекст [42, с. 149].

А. В. Юревич в своей работе «излагает и обосновывает методологию количественной оценки психологического состояния современного российского общества», используя для этого макропсихологический композитный индекс [39, с. 155]. Как отмечает автор, психологическое состояние общества по своей значимости вполне сопоставимо с его политическим и экономическим состоянием. Если психология традиционно изучала психику, личность, отдельные психические процессы, малые и большие социальные группы, то «макропсихология изучает психологические процессы, релевантные обществу в целом, чем, в частности, отличается от социальной психологии, “заканчивающейся” на уровне больших социальных групп» [39, с. 157]. Композитный индекс конструируется автором на основе первичных индексов: «смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств», «смертности от самоубийств», «заболеваемости психическими расстройствами», «устойчивости семьи», «социального сиротства» и «смертности от убийств». Как показывает исследователь, имеет место высокий уровень корреляции первичных индексов между собой, что позволяет применить их обобщение для характеристики макропсихологического состояния общества. Полученные на основе композитного индекса данные по динамике состояния российского обще-

ства в целом соответствуют представлениям социологов, «демонстрирующим его улучшение на протяжении длительного периода и некоторое ухудшение в последнее время, и расходятся с мнением психологов, дающих ему в основном негативные характеристики». В заключение автор отмечает, «что мы живем в достаточно напряженном, в том числе и психологическом плане, обществе», поскольку относимся к транзитивным социумам с множеством негативных факторов, которые приводят к соматизации социальных явлений [39, с. 156, 171] (см. также [38]).

Тема конструирования реальности, ее предельной актуальности в указанном номере журнала «Методология и история психологии» снова поднимается в интервью А. Г. Асмолова, который показывает, что современный психолог выступает как архитектор изменения ментальности общества и через это становится «мастером социального конструирования» [8, с. 175]. Психология это наука о жизни и наука об изменении, ученый говорит: «Я рассматриваю психологию в контексте эволюции целеустремленных живых систем и проповедую телеологический подход». Психология сегодня изменяет свой социальный статус, становясь «уникальным междисциплинарным направлением науки», «психология берет на себя функцию социального конструирования реальности». Ученый подчеркивает: «Думаю, что мы уже на пороге супертрансформации и видения жизни как уникального эволюционного потока сознания по направлению персонализации жизни», психология современности находится в координатах «сложности, неопределенности и разнообразия», формируя соответствующие направления психологии, она перейдет от традиционной «психологии языка, задатков и факторов... к языку потенциалов и ресурсов» [8, с. 174, 177, 178, 179]. А. Г. Асмолов замечает: «В эпистемологии нам надо по-другому подумать об интеграции – как о цветущей сложности», необходимо «эпистемологию и методологию науки, поставить во главу угла. Это и есть самая практическая психология». Психологи должны «осознать свой статус носителей экспертной власти, наряду с другими экспертами в науках о жизни», «будущее за людьми, готовыми к изменениям», психолог-конструктор через модернизацию образования ведет к трансформации общества, он через конструирование «вариативного, развивающегося, смыслового образования» помогает «человеку обрести самостояние», «построить модель желаемого будущего и через эту модель почувствовать себя востребованным в мире». Ученый заостряет свои рассуждения заключением: «Психологи должны отрефлексировать свою миссию... из-за того, что, если мы этого не сделаем, мы не сможем утешиться формулой “блажен-

ны нищие духом”, потому что они такого натворят, что мы уже не сможем этого ведасть» [8, с. 180, 184, 185] (см. также [7, 9]).

Конечно, обращение различных авторов к конструктивизму, существенно шире, чем показано выше. Можно сказать, что конструктивизм сосуществует в российской психологии с более традиционными воззрениями. Приведем еще несколько коротких свидетельств присутствия конструктивизма в психологии. Так, И. В. Антоненко отмечает: «Доверие вообще является только теоретической конструкцией, обобщением... определенных проявлений доверия» [5, с. 318]. Ф. И. Барский пишет: «Однако, ...жизненные истории – это не черты, а психосоциальные конструкции...» [10, с. 101]. Н. П. Бусыгина указывает: «Применение стандартизованных методов и методик позволяет прицельно выделять в качестве эмпирических данных выраженность тех конструктов, для измерения которых эти методы и методики предназначены» [13, с. 119]. М. С. Гусельцева замечает: «Методология конструктивизма становится еще одной популярной темой, затрагивающей как психологию, так и историю» [14, с. 15]. Т. П. Емельянова развивает глобальную тему конструирования социальных представлений [15]. В. В. Знаков подчеркивает, что «в дискурсивной психологии, в конструктивизме сегодня доминирует утверждение, что знание не только возникает внутри сообществ познающих субъектов, но и определяет то, что мы считаем реальностью» [17, с. 107]. И. Н. Карицкий конструирует предмет психологии на пересечении ряда дихотомических оппозиций [18], а теоретический концепт психологической практики строит на основе выделенных в ней элементов-конструктов [19, 20]. В. А. Лекторский развивает теорию конструктивного реализма [23]. А. М. Улановский, развивая тему качественных исследований, пишет о том, что «качественные исследования опираются на допущение о социальном конструировании реальности...» [33, с. 132]. Исследуя соотношение исследовательской и практической психологии, А. В. Юревич отмечает, что «Д. Полкинхорн выделял такие общие черты постмодернизма и психологической практики, как нефундаментальность, фрагментарность, конструктивизм, неопрагматизм, понимание знания как динамичного, социально конструируемого и зависимого от контекста» [37, с. 90]. В. А. Янчук говорит о том, что «подход социально-конструктивистской лингвистики показывает плюралистичность атрибутивного объяснения, определяемую его культурной интердетерминацией, сопровождаемой, в свою очередь, многообразием культурных различий самих по себе» [41, с. 188].

Таким образом, современная отечественная психология представлена многообразием подходов к научно-психологическому конструированию реальности, психики, сознания, человеческих представлений, построению теорий, выделяющих свою специфическую психологическую феноменологию на основе тех конструктов, которые сформированы с опорой на исходные предпосылки и основания, частично эксплицированные исследователями, но по большей части существующие в имплицитной форме. Проанализированные работы отчетливо иллюстрируют тот факт, что сегодня конструктивизм в психологии в явной или неявной форме отчетливо присутствует в психологических исследованиях и теориях, и демонстрируют широкий спектр конструктивистских установок: от мягких подходов конструктивного реализма до радикального и социального конструктивизма.

Библиографический список

1. Акопов, Г. В. Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований [Текст] / Г. В. Акопов. – М. : ИП РАН, 2010. – 272 с.
2. Акопов, Г. В. Психология искусства: от Л. С. Выготского к В. Ф. Петренко [Текст] / Г. В. Акопов // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 34-45.
3. Аллахвердов, В. М. Зачем психологии нужны правила игры в науку [Текст] / В. М. Аллахвердов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». – 2013. – № 2. – С. 2-17.
4. Аллахвердов, В. М. Психология как наука и проблема демаркации (статья первая) [Текст] / В. М. Аллахвердов // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 46-57.
5. Антоненко, И. В. Социально-психологическая концепция доверия [Текст] / И. В. Антоненко. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 480 с.
6. Асмолов, А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа [Текст] / А. Г. Асмолов. – М. : Смысл, 2001. – 416 с.
7. Асмолов, А. Г. Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование [Текст] / А. Г. Асмолов // Вопросы психологии. – 2008. – № 5. – С. 3-11.
8. Асмолов, А. Г. Интервью о будущем психологии [Текст] / А. Г. Асмолов // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 174-185.
9. Асмолов, А. Г., Гусельцева, М. С. Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе [Текст] / А. Г. Асмолов, М. С. Гусельцева // Мир психологии. – 2016. – № 4. – С. 14-28.
10. Барский, Ф. И. Личность как черты и как нарратив: возможности уровней моделей индивидуальности [Текст] / Ф. И. Барский // Методология и история психологии. – 2008. – Вып. 3. – С. 93-105.
11. Бергер, П. Л., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности [Текст] / П. Л. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia-центр ; Медиум, 1995. – 322 с.
12. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации [Текст] / Дж. Брунер. – М. : Прогресс, 1977. – 412 с.
13. Бусыгина, Н. П. Проблема качества качественного исследования: принципы научной и этической валидации [Текст] / Н. П. Бусыгина // Методология и история психологии. – 2009. – Вып. 3. – С. 106-130.
14. Гусельцева, М. С. Психология и история: культурно-психологическая эпистемология [Текст] / М. С. Гусельцева // Методология и история психологии. – 2010. – Вып. 2. – С. 7-22.
15. Емельянова, Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества [Текст] / Т. П. Емельянова. – М. : ИП РАН, 2006. – 400 с.
16. Знаков, В. В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие [Текст] / В. В. Знаков // Методология и история психологии. – 2007. – Вып. 3. – С. 65-74.
17. Знаков, В. В. Тезаурусное и нарративное понимание событий как проблема психологии человеческого бытия [Текст] / В. В. Знаков // Методология и история психологии. – 2010. – Вып. 3. – С. 105-119.
18. Карицкий, И. Н. Экспликация предмета психологии [Текст] / И. Н. Карицкий // Методология и история психологии. – 2006. – № 1. – С. 105-118.
19. Карицкий, И. Н. Структура субъекта психологической практики [Текст] / И. Н. Карицкий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – 2011. – № 1. – С. 40-49.
20. Карицкий, И. Н. Теоретическая экспликация содержания психологической практики [Текст] / И. Н. Карицкий // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2011. – № 2. – С. 35-46.
21. Карицкий, И. Н. Конструирование миров [Текст] / И. Н. Карицкий // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 5-14.
22. Касавин, И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы [Текст] / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2008. – № 1. – С. 5-14.
23. Лекторский, В. А. Конструктивизм vs реализм [Текст] / В. А. Лекторский // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 1. – С. 19-26.
24. Мазиллов, В. А. О предмете психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2006. – № 1. – С. 55-72.
25. Мазиллов, В. А. О предмете научной психологии: утраты и обретения [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 2. – № 1. – С. 266-270.
26. Мазиллов, В. А. Психология в XXI столетии: проблема предмета науки [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 3. – С. 108-123.
27. Матурана, У., Варела, Ф. Древо познания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.
28. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания [Текст] / В. Ф. Петренко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.
29. Петренко, В. Ф. Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках [Текст] / В. Ф. Петренко // Методология и история психологии. – 2010. – Вып. 3. – С. 5-12.
30. Петренко, В. Ф. Конструирование истории [Текст] / В. Ф. Петренко // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 15-33.
31. Петровский, В. А. Существует ли Я – субъект познания, воли, переживаний? [Текст] / В. А. Петровский // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 3. – С. 108-123.

дология и история психологии. – 2010. – Вып. 1. – С. 136-148.

32. Петровский, В. А. Психофизическая проблема: «кто» видит мир? [Текст] / В. А. Петровский // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 58-83.

33. Улановский, А. М. История и векторы развития качественных исследований в психологии [Текст] / А. М. Улановский // Методология и история психологии. – 2008. – Вып. 2. – С. 129-139.

34. Улановский, А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация [Текст] / А. М. Улановский // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 35-45.

35. Шкуратов, В. А. Новая историческая психология [Текст] / В. А. Шкуратов. – Ростов н/Д. : ЮФУ, 2009. – 206 с.

36. Шкуратов, В. А. Культура мысли и знание-власть [Текст] / В. А. Шкуратов // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 84-107.

37. Юревич, А. В. Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии [Текст] / А. В. Юревич // Методология и история психологии. – 2010. – Вып. 3. – С. 90-104.

38. Юревич, А. В. Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки [Текст] / А. В. Юревич // Вопросы психологии. – 2015. – № 2. – С. 32-45.

39. Юревич, А. В. Методология количественной оценки психологического состояния современного российского общества [Текст] / А. В. Юревич // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 155-173.

40. Янчук, В. А. Конструктивистский подход в социальной психологии [Текст] / В. А. Янчук // В. А. Янчук «Введение в современную социальную психологию». – Мн. : АСАП, 2005. – С. 147-161.

41. Янчук, В. А. Постмодернистская социокультурно-индетерминистская диалогическая перспектива в научном объяснении [Текст] / В. А. Янчук // Методология и история психологии. – 2008. – Вып. 1. – С. 179-194.

42. Янчук, В. А. Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия [Текст] / В. А. Янчук // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 1. – С. 124-154.

Reference List

1. Akopov, G. V. Psihologija soznaniya. Voprosy metodologii, teorii i prikladnyh issledovanij = Consciousness psychology. Questions of methodology, theory and applied researches [Tekst] / G. V. Akopov. – M. : IP RAN, 2010. – 272 s.

2. Akopov, G. V. Psihologija iskusstva: ot L. S. Vygotskogo k V. F. Petrenko = Art psychology: from L. S. Vygotsky to V. F. Petrenko [Tekst] / G. V. Akopov // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 1. – S. 34-45.

3. Allahverdov, V. M. Zachem psihologii nuzhny pravila igry v nauku = Why does psychology need rules of the game in science [Tekst] / V. M. Allahverdov // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Psihologija». – 2013. – № 2. – S. 2-17.

4. Allahverdov, V. M. Psihologija kak nauka i problema demarkacii (stat'ja pervaja) = Psychology as science and problem of demarcation (Article first) [Tekst] / V. M. Allahverdov // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 1. – S. 46-57.

5. Antonenko, I. V. Social'no-psihologicheskaja koncepcija doverija = Social and psychological concept of trust [Tekst] / I. V. Antonenko. – M. : Flinta ; Nauka, 2006. – 480 s.

6. Asmolov, A. G. Psihologija lichnosti: principy obshhepsihologicheskogo analiza = Psychology of the personality: principles of the all-psychological analysis [Tekst] / A. G. Asmolov. – M. : Smysl, 2001. – 416 s.

7. Asmolov, A. G. Istoriko-jevoljucionnaja paradigma konstruirovaniya raznoobrazija mirov: dejatel'nost' kak sushhestvovanie = Historical and evolutionary paradigm of designing a variety of the worlds: activity as existence [Tekst] / A. G. Asmolov // Voprosy psihologii. – 2008. – № 5. – S. 3-11.

8. Asmolov, A. G. Interv'ju o budushhem psihologii = Interview about the future of psychology [Tekst] / A. G. Asmolov // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 1. – S. 174-185.

9. Asmolov, A. G., Gusel'ceva, M. S. Psihologija kak remeslo social'nyh izmenenij: tehnologii gumanizacii i degumanizacii v obshhestve = Psychology as craft of social changes: humanization technologies and dehumanization in society [Tekst] / A. G. Asmolov, M. S. Gusel'ceva // Mir psihologii. – 2016. – № 4. – S. 14-28.

10. Barskij, F. I. Lichnost' kak cherty i kak narrativ: vozmozhnosti urovnevnyh modelej individual'nosti = Personality as features and as narrative: possibilities of level models of the identity [Tekst] / F. I. Barskij // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – Vyp. 3. – S. 93-105.

11. Berger, P. L., Lukman, T. Social'noe konstruirovanie real'nosti = Social designing of reality [Tekst] / P. L. Berger, T. Lukman. – M. : Academia-centr ; Medium, 1995. – 322 s.

12. Bruner, Dzh. Psihologija poznaniya. Za predelami neposredstvennoj informacii = Knowledge psychology. Outside direct information [Tekst] / Dzh. Bruner. – M. : Progress, 1977. – 412 s.

13. Busygina, N. P. Problema kachestva kachestvennogo issledovanija: principy nauchnoj i jeticheskoj validizacii = Problem of quality of a qualitative research: principles of scientific and ethical validization [Tekst] / N. P. Busygina // Metodologija i istorija psihologii. – 2009. – Vyp. 3. – S. 106-130.

14. Gusel'ceva, M. S. Psihologija i istorija: kul'turno-psihologicheskaja jepistemologija = Psychology and history: cultural and psychological epistemology [Tekst] / M. S. Gusel'ceva // Metodologija i istorija psihologii. – 2010. – Vyp. 2. – S. 7-22.

15. Emel'janova, T. P. Konstruirovanie social'nyh predstavlenij v uslovijah transformacii rossijskogo obshhestva = Designing of social representations in the conditions of the Russian society transformation [Tekst] / T. P. Emel'janova. – M. : IP RAN, 2006. – 400 s.

16. Znakov, V. V. Samosoznanie, samoponimanie i ponimajushhee sebja bytie = Consciousness, self-understanding and the life understanding itself [Tekst] / V. V. Znakov // Metodologija i istorija psihologii. – 2007. – Vyp. 3. – S. 65-74.

17. Znakov, V. V. Tezaurusnoe i narrativnoe ponimanie sobytij kak problema psihologii chelovecheskogo bytija = The-saurus and narrative understanding of events as problem of human life psychology [Tekst] / V. V. Znakov // Metodologija i istorija psihologii. – 2010. – Vyp. 3. – S. 105-119.

18. Karickij, I. N. Jeksplikacija predmeta psihologii = Psychology subject explication [Tekst] / I. N. Karickij // Metodologija i istorija psihologii. – 2006. – № 1. – S. 105-118.

19. Karickij, I. N. Struktura sub#ekta psihologicheskoy praktiki = Structure of the psychological practice subject [Tekst] / I. N. Karickij // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Psihologija. – 2011. – № 1. – S. 40-49.

20. Karickij, I. N. Teoreticheskaja jeksplikacija sodержaniya psihologicheskoy praktiki = Theoretical explication of psychological practice content [Tekst] / I. N. Karickij // Teoreticheskaja

i jeksperimental'naja psihologija. – 2011. – № 2. – S. 35-46.

21. Karickij, I. N. Konstruirovanie mirov = Designing of the worlds [Tekst] / I. N. Karickij // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 1. – S. 5-14.

22. Kasavin, I. T. Konstruktivizm: zavjavennye programmy i nereshennye problemy = Constructivism: stated programs and unresolved issues [Tekst] / I. T. Kasavin // Jepistemologija i filosofija nauki. – 2008. – № 1. – S. 5-14.

23. Lektorskij, V. A. Konstruktivizm vs realizm = Constructivism vs realism [Tekst] / V. A. Lektorskij // Jepistemologija i filosofija nauki. – 2015. – № 1. – S. 19-26.

24. Mazilov, V. A. O predmete psihologii = About a psychology subject [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2006. – № 1. – S. 55-72.

25. Mazilov, V. A. O predmete nauchnoj psihologii: utraty i obretenija = About a scientific psychology subject: losses and findings [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2014. – T. 2. – № 1. – S. 266-270.

26. Mazilov, V. A. Psihologija v XXI stoletii: problema predmeta nauki = Psychology in the XXI century: problem of the science object [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 3. – S. 108-123.

27. Maturana, U., Varela, F. Drevo poznanija = Tree of knowledge [Tekst] / U. Maturana, F. Varela. – M.: Progress-Tradicija, 2001. – 223 s.

28. Petrenko, V. F. Psihosemantika soznaniya = Psychosemantics of consciousness [Tekst] / V. F. Petrenko. – M.: Izdvo Mosk. un-ta, 1988. – 208 s.

29. Petrenko, V. F. Paradigma konstruktivizma v gumanitarnyh naukah = Constructivism paradigm in the humanities [Tekst] / V. F. Petrenko // Metodologija i istorija psihologii. – 2010. – Vyp. 3. – S. 5-12.

30. Petrenko, V. F. Konstruirovanie istorii = Designing of history [Tekst] / V. F. Petrenko // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 1. – S. 15-33.

31. Petrovskij, V. A. Sushhestvuet li Ja – sub#ekt poznanija, voli, perezhivaniy? = Is there Self – a subject of knowledge, will, experiences? [Tekst] / V. A. Petrovskij // Metodologija i istorija psihologii. – 2010. – Vyp. 1. – S. 136-148.

32. Petrovskij, V. A. Psihofizicheskaia problema: «kto» vidit mir? = Psychophysical problem: «who» sees the world? [Tekst] / V. A. Petrovskij // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 1. – S. 58-83.

33. Ulanovskij, A. M. Istorija i vektory razvitiya kachestvennyh issledovanij v psihologii = History and vectors of qualitative

researches development in psychology [Tekst] / A. M. Ulanovskij // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – Vyp. 2. – S. 129-139.

34. Ulanovskij, A. M. Konstruktivizm, radikal'nyj konstruktivizm, social'nyj konstruktivizm: mir kak interpretacija = Constructivism, radical constructivism, social constructionism: world as interpretation [Tekst] / A. M. Ulanovskij // Voprosy psihologii. – 2009. – № 2. – S. 35-45.

35. Shkuratov, V. A. Novaja istoričeskaja psihologija = New historical psychology [Tekst] / V. A. Shkuratov. – Rostov n/D.: JuFU, 2009. – 206 s.

36. Shkuratov, V. A. Kul'tura mysli i znanie-vlast' = Culture of a thought and knowledge-power [Tekst] / V. A. Shkuratov // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 1. – S. 84-107.

37. Jurevich, A. V. Eshhe raz o «shizise» issledovatel'skoj i praktičeskoj psihologii = Once again about «schism» of research and practical psychology [Tekst] / A. V. Jurevich // Metodologija i istorija psihologii. – 2010. – Vyp. 3. – S. 90-104.

38. Jurevich, A. V. Psihologičeskoe sostojanie sovremen-nogo rossijskogo obshhestva: novye ocenki = Psychological state of modern Russian society: new estimates [Tekst] / A. V. Jurevich // Voprosy psihologii. – 2015. – № 2. – S. 32-45.

39. Jurevich, A. V. Metodologija kolichestvennoj ocenki psihologičeskogo sostojanija sovremen-nogo rossijskogo obshhestva = Methodology of quantitative assessment of modern Russian society psychological state [Tekst] / A. V. Jurevich // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 1. – S. 155-173.

40. Janchuk, V. A. Konstruktivistskij podhod v social'noj psihologii = Constructivist approach in social psychology [Tekst] / V. A. Janchuk // V. A. Janchuk «Vvedenie v sovremennuju social'nuju psihologiju». – Mn.: ASAR, 2005. – S. 147-161.

41. Janchuk, V. A. Postmodernistskaja sociokul'turno-indeterministskaja dialogičeskaja perspektiva v nauchnom ob#jasnenii = Postmodern sociocultural indeterministic dialogical prospect in scientific explanation [Tekst] / V. A. Janchuk // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – Vyp. 1. – S. 179-194.

42. Janchuk, V. A. Kul'turno-dialogičeskaja metaperspektiva integracii psihologii v uslovijah neopredelennosti i konstruktivistskogo mnogoobrazija = The cultural and dialogical metaspect of psychology integration in conditions of uncertainty and constructivist variety [Tekst] / V. A. Janchuk // Metodologija i istorija psihologii. – 2018. – Vyp. 1. – S. 124-154.